

СОТРУДНИЧЕСТВО Л.Н.ТОЛСТОГО И Н.Н.СТРАХОВА В ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А.В.Зубкова

В истории общественного сознания и литературы есть деятели, которые играют роль гораздо более существенную, чем принято обычно думать. Вряд ли можно всесторонне понять второе полу столетие в развитии русской литературы XIX века без учета жизни и деятельности Н.Н.Страхова.

С самого раннего детства у него проявилась любовь к книгам и знаниям. Имена писателей, ученых и философов возбуждали в нем благоговение и желание познакомиться с их произведениями. Так Страхов оценивал свой интерес к жизни. Это авторское признание делает понятным, почему он постоянно обращался к литературно-критической деятельности. Наиболее важным для него было внимание к духовно-нравственным коллизиям в жизни общества и к человеческой личности.

В историю русской словесности Страхов вошел как публицист, литературный критик, "тончайший", по выражению А.Фета, философ. Имея самое непосредственное отношение к творчеству современных ему писателей и поэтов - Л.Н.Толстого, А.А.Фета, А.А.Полонского, А.И.Герцена, он внимательно следил за их деятельностью и помещал свои рецензии на их произведения в журналах "Заря", "Русский мир", "Светоч" и др., пользовавшихся значительной популярностью среди передовой интеллигенции того времени.

Ничуть не обольщаясь относительно непогрешимости любых признаваемых им авторитетов, Страхов был способен достаточно трезво и критически взглянуть на них "со стороны, подметить их сильные и слабые стороны как литераторов, оценить их философские настроения".

Философские воззрения Страхова складывались под влиянием развития естествознания второй половины XIX века, немецкой классической философии Гегеля и отечественной мыслительной традиции, восходившей к славянофильству.

Не питая склонности к подражательству, он тем не менее считал вполне законными желаниями русских мыслителей изучить

культурное наследие Европы и даже стать последователями того или иного философа: "Запад в умственном и нравственном отношении велик и многообразен. Следовательно, каждый может в нем выбирать себе по вкусу, чему ему следовать и подражать" (1).

В этой связи публицист и литературный критик Михайловский характеризовал Страхова как человека, "вкусившего европейской науки в такой мере, как может быть немногие из наших писателей" (2).

В то же время Страхов обнаруживает негативную реакцию против европейского просвещения, "не в смысле его полного отрицания, а в том смысле, что мы не хотим подчиниться ему бездельно, слепо, а во что бы то ни стало желаем усвоить его себе, претворить в свою действительную духовную собственность" (3).

Его идея заключалась в том, что "пора бы нам, кажется, жить собственным умом и вместо того, чтобы лениво подчиняться западным авторитетам и проводить время в умилении и идолопоклонстве перед ними, отнестись к ним холоднее и самостоятельнее, попробовать думать о них и, следовательно, судить их своим судом" (4).

Такое отношение к европейской науке у Страхова стало складываться после того, как он начал понимать истинное отношение Запада ко всему русскому. В этой связи он писал: "когда же я, наконец, стал убеждаться в презрении к нам Европы, в том, что она видит в нас народ полуварварский и что нам не только трудно, а просто невозможно заставить ее думать иначе, то это открытие было мне невыразительно больно, и эта боль отзывается до сегодня. Но я никогда не думал отказываться от своего патриотизма и предпочесть родной земле и ее духу - дух какой бы то ни было страны" (5).

Интересна дружба Страхова с Львом Николаевичем Толстым: "Нынче я говорил жене, что одно из счастья, за которое я благодарен судьбе, это то, что есть Н.Н.Страхов" (6). Позже он назовет Страхова единственным духовным другом. И это понятно: ведь еще через много, почти через двадцать лет, он снова скажет о сближении со Страховым "самыми основами".

Эта дружба сохранится между ними в течение многих лет. При этом она сопровождалась интенсивной перепиской. "Переписка Л.Н.Толстого с Н.Н. Страховым 1870-1894", изданная в 1914 году, представляет для исследователей литературы интереснейший материал.

Толстой считал самыми интересными свои письма к двум лицам: С.С.Урусову и Н.Н.Страхову. Недаром уже после смерти мужа С.А.Толстая многократно отмечала в "Дневнике": "читаем... читаем... читаю... письма Н.Н. Страхова и Льва Николаевича".

Толстой познакомился со Страховым в 1871 году, после по-

явления статей Страхова о "Войне и мире", и с тех пор они непрерывно переписывались и встречались. Переписка началась письмом, в котором критик просил Толстого принять участие в журнале "Заря". В своем ответе Толстой приглашает Страхова посетить его в Ясной поляне, куда тот приезжает в июне 1871 года.

Общаясь с Толстым в Ясной Поляне, Страхов, помимо бытовых деталей и всего колорита яснополянской жизни, чутко улавливал общий характер духовной жизни Толстого. По его словам, Толстой по-прежнему кипел чувствами и мыслями. Это пламя, которое горело в нем так неугасимо, производило удивительно оживляющее впечатление, хотя бы слушатель не соглашался с ним ни в чем. Такие воспоминания мы читаем в письме от 13 июля 1886 года.

Страхов преклонялся перед гением Толстого и всем его литературным наследием. Сочинения графа А.Н.Толстого представляют в этом отношении книгу прекрасную и в то же время глубоко печальную. Она прекрасна по мастерству, которое можно сравнить с тургеневским, по правдивости, которая не уступает Писемскому, по душевной теплоте и силе, которая, может быть, превосходит того и другого. Любовь есть та сторона жизни, которая своей красотой всего доступнее людям, любовь может хотя в время наполнить самую опустошенную грудь, оживить самую мертвую душу. "Граф Толстой, мне кажется, еще теплее и живее Тургенева понимает это чувство, еще правильней к нему относится" (7).

Толстой высоко ценил широкую образованность и интенсивные интеллектуальные искания Страхова. Об этом говорят высказывания Толстого в дневнике, его письма к самому Страхову и другим корреспондентам, воспоминания современников, сам факт их обширной переписки. Эта переписка касалась многих аспектов: явлений в жизни общества, направлений в литературе, развития философского мышления и др. Однако далеко не все импонировало Толстому в Страхове. Для Толстого неприемлема была некоторая отвлеченность, книжность его философских интересов и взглядов.

Принимавший активное участие в бурных журнальных полемиках 60-х годов Страхов неизменно занимал правовые позиции, выступая постоянным оппонентом революционно-демократических критиков. Отношения его с Толстым, тем более с Достоевским, тоже не были идеалистическими, предполагали расхождения и рождали споры, подчас резкие. Так, Страхов иначе, то есть более отрицательно оценивал тип "нигилиста", как общественное явление, и литературу, его запечатлевшую. Например, роман "Отцы и дети". Это дело не обошлось без вмешательства извне, а именно со стороны А.Толстого, решительно и гневно осудившего нападки на "нигилистов" и сразу за словами увидевшего суть дела. В ответ на оправдания Страхова, по поводу того, что тот лишь отрицает отрицание,

Толстой заявил: “Я говорю, что отрицать то, что делает жизнь, значит не понимать ее. Вы повторяете, что отрицаете отрицание. Я повторяю, что отрицать отрицание, значит не понимать того, во имя чего происходит отрицание. Каким образом я оказался рядом с вами, не могу понять...” (8).

Оправдываясь перед Толстым по поводу своих нападок на “нигилистов”, Страхов говорил, что его суждения имеют односторонний вид и могут быть приняты за брань на “нигилистов”. Именно так это многие поняли. Воздерживаясь от всякого суждения о существующем порядке и не воздерживаясь от самых разных суждений о нигилизме, он непременно впадал в адвокатские примеры, в “лукавство газетчиков”. В этой связи он признавал, что в “таком случае лучше молчать”.

Еще позднее Страхов писал Толстому: “Нигилизм и анархизм - ведь это очень серьезные явления в сравнении с тою болтовнёю, которая составляет верх человеческого достоинства для Григоровичей и Фетов” (9).

В одном из своих писем к Толстому Страхов, признаваясь в том, что действительно иногда не имел твердой позиции по отдельным вопросам, в связи с чем все это время не жил, а только принимал жизнь, как она приходила. За это, как он сам выражается, и был наказан. У него не было ни семьи, ни имущества, ни положения, ни кружка, никаких связей, которые бы соединяли его с жизнью.

В ответ на убеждения и доказательства Толстого, что это положение невозможно, так как при нем жить нельзя, Страхов резюмировал: “я и не живу”.

Анализ писем позволяет оценить и степень участия Страхова в творчестве А.Н.Толстого. Интересен обмен мыслями между ними в период подготовки Юбилейного издания обоих тиражей “Войны и мира” в 1873 году. В послании к автору Страхов подробно сообщал о своих исправлениях в историко-фило-софских рассуждениях, приводимых в романе. А по поводу стилистической правки отметил лишь то, что сделал множество мелких исправлений, но вычеркнул всего в двух местах по две, по три строки там, где необходимость была совершенно очевидна.

Уже после 1937 года обнаружили материалы первостепенной важности, раскрывающие в большей мере процесс переработки романа в 1837 году. Имеются в виду экземпляры последних томов “Войны и мира”, в издании 1868-1869 годов с подлинными исправлениями Толстого и Страхова, для нового издания 1873 года, и письма Толстого к Страхову, относящиеся ко времени переработки романа в 1877 году. Экземпляр романа с исправлениями Толстого дает возможность установить, что сделал сам Толстой, а что Страхов. Из писем Толстого очевидно, что Страхов исправлял после Толстого. Посылая Страхову на суд исправленный им экземпляр,

романист просил по своему усмотрению исправлять то, что ему "известно за дурное".

Относительно помещенных в конце книги рассуждений по военной тематике, об исторических и философских проблемах, Толстой также передал все права Страхову по их правке.

Благодаря письмам Толстого уточняются факты, имеющиеся в ответных письмах Страхова. Теперь ясно, что исправления, внесенные критиком в четырехтомное издание "Война и мир", Толстой не видел, так как Страхов переслал исправленные тексты непосредственно в типографию. Сличение обнаруженного исправленного экземпляра последних томов с текстом Юбилейного издания убеждает в том, что большая часть принятых редактором стилистических исправлений принадлежит не Толстому, а Страхову.

Принимая самое активное участие в творчестве А.Н.Толстого, выступая в журналах с критическими статьями о романе "Война и мир", Страхов даже полагал, что вообще именно он открыл в критике Толстого, которого, по его словам, не только не поняли, но о котором вовсе не говорили. Однако, заявляя это в конце 60-х годов, Страхов должен был бы вспомнить, что Чернышевский "открывал" Толстого в цикле своих статей о нем в середине 50-х годов.

Что касается Толстого позднего, во всяком случае от "Войны и мира", здесь Страхов обнаружил удивительное понимание, и в критике этого Толстого многое действительно остается за ним. Свои статьи о "Войне и мире" Страхов даже назвал "критической поэмой в четырех песнях".

Внимательный анализ критической деятельности Страхова, касающийся творчества А.Н.Толстого, наглядно показывает, что он первый в критике раскрыл смысл "Войны и мира", как героической эпопеи: "Художник дал нам новую русскую формулу героической жизни" (10).

По убеждению Страхова, огромная картина Толстого "есть достойное изображение русского народа. Это действительно неслыханное явление - эпопея в современных формах искусства" (11). При этом следует учитывать, что самое снисходительное, произнесенное в тот момент радикальной критикой о "Войне и мире" в лице Писарева, было: "картины старого барства".

Как не вспомнить великолепную ленинскую формулу, данную как раз в связи с "Войной и миром" и сообщенную нам А.М.-Горьким: "До этого графа - подлинного мужика в литературе не было" (12).

Страхов был чуток к правде жизни во всех повседневных, так сказать, будничных ее проявлениях, запечатленных в романах Льва Толстого. В одном из писем к автору "Анны Карениной" Страхов под свежим впечатлением только что прочитанного произведе-

ния писал, что читатели нашли в нем свою собственную жизнь: Москву, деревню, зиму, и т.п.

Когда готовилось к печати первое отдельное издание “Анны Карениной”, гостивший в Ясной поляне Страхов предложил писателю свои услуги по пересмотру журнального варианта романа. Впоследствии он писал, что взялся прочитывать и исправлять пунктуацию и явные ошибки, указывать Льву Николаевичу на места, которые казались ему требующими поправок, преимущественно-неправильности языка и неясности. Таким образом он первый читал и наносил свои поправки.

Как человек близкий по духу к Толстому, Страхов делал правки и к “Воскресению”. “Исправления” коснулись исключительно стиля или грамматического строя фраз, замены отдельных слов другими.

Нужно видеть в отношении Страхова к Толстому еще одну сторону. Толстой был для Страхова носителем могучих жизненных сил. “Я давно называл Вас самым цельным и последовательным писателем, но Вы сверх того самый цельный и последовательный человек”, - писал Страхов (13). И несколько раньше: “Вы растянуты умом и сердцем во всю ширину земной жизни” (14).

Те внешние и внутренние причины, которые в свое время влекли Страхова к Пушкину, теперь привели его к Толстому. Это было безусловное подтверждение могучей жизненной силы России. Русская жизнь и русская литература вновь заявили себя в Толстом могуче и неотразимо: “Пока жива и здорова наша поэзия, до тех пор нет причины сомневаться в глубоком здоровье русского народа” (15). Это опять таки был исход внутренней неполноты, теоретичности, недостаточности. Поэтому-то Страхов и писал Толстому о необходимости для него “жгучем интересе взаимного ауканья” (16).

Именно применительно к Толстому с полной силой и проявилась знаменитая страховская способность понимания. Он не был творцом, но он с большой силой обнаружил способность понимания такого типа творца, как Лев Толстой, и такого живого творчества, как толстовское. Обнаружил, идя от себя, -так сказать, “от противоположного”. Впрочем, в Толстом Страхов увидел и подтверждение многих теоретических начал “органической критики.” Вера в жизнь-признание за жизнью большего смысла, чем тот, какой способен уловить наш разум, -разлита по всему произведению графа Толстого и можно было бы сказать, что на эту тему написано все его произведение...Таинственная глубина жизни - вот мысль “Войны и мира” (17).

Страхов действительно стал чем то вроде критика, как бы уже полностью Толстым поглощенного, специально при Толстом и о Толстом. “Вы ведь, - пишет он незадолго до смерти, - много

виноваты в моей философии и в том, что я пренебрегаю русскою литературою” (18).

Толстой много затмил для Страхова-критика. Но трезвость взгляда, так отличавшая его лучшие оценки, не совсем изменила Страхову: “Недавно я кое-что перечитывал и кое-что вновь прочел: Гаршина, Короленко, Чехова - да ведь это серьезная литература - не чета Zola” (19).

О бедности русской литературы теперь уже говорить не приходилось, и Страхов о ней не говорил: “Если теперь иностранцы спросят у нас о нашей литературе, мы прямо укажем на “Войну и мир”, как на зрелый плод нашего литературного движения, как на произведение, перед которым мы сами преклоняемся, которое нам дорого и важно не за неимением лучших, а потому, что оно принадлежит к самым великим, самым лучшим созданиям поэзии, какие мы только знаем и можем вообразить... Западные литературы в настоящее время не представляют ничего равного и даже ничего близко подходящего к тому, чем мы теперь обладаем”. (20)

Неоднократно обращаясь к роману Толстого “Война и мир”, Страхов особое внимание обращал на то, с какой силой автор показал русский героизм и патриотизм, которые живут в сердцах нашего народа. По мнению Страхова, такой тип героизма у нас еще не нашел своего поэта-выразителя, поскольку мы можем еще только “прозреть” его, а Толстой уже выразил, что мы сильны всем народом, сильны той силой, которая живет в самых простых и смиренных личностях.

Колоссальное влияние Толстого на Страхова выразилось еще и в том, что Николай Николаевич со всем энтузиазмом воспринял дальнейшие религиозные искания Толстого. Они могли спорить и многое Страхов при этом осуждал, но это уже был спор единомышленников.

Страхов писал много и о многих. Лучшие его статьи о Пушкине, Тургеневе, Достоевском сохраняют и ныне свое значение. Более того, современный читатель без большого труда заметит, как органически вошли некоторые мысли и наблюдения Страхова в наши сегодняшние представления об этих писателях. Прежде всего это, конечно, относится к Толстому.

В своей статье о Страхове, уже после его смерти, А.И. Венденский отмечал, и с ним трудно не согласиться, что после смерти Страхова пустота, обусловленная удалением со сцены этого выдающегося, просвещеннейшего и поистине передового русского человека.

Трудно найти такого человека, который бы с таким же поучительным мужеством нес перед нами, перед нашим больным и извершившимся в себе веком, знамя высокого философского идеализма, очищенного и просветленного православно-русским сознанием.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Страхов Н.Н. Значение гегелевской философии в настоящее время. СПб., 1860, с.13-14.
2. Михайловский Н.К. Сочинения, СПб., 1896, т.1, с.707,708.
3. Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы, СПб 1868, с.32.
4. Страхов Н.Н. Философские очерки, с.145.
5. Николайский Б.В. Николай Николаевич Страхов, СПб., 1896, с.242.
6. Толстой А.Н. Собрание сочинений в 20-ти т., М., 1965, т.17, с.89.
7. Страхов Н. Н. Литературная критика. СПб., с.233.
8. Переписка А. Н. Толстого с Н.Н. Страховым. с. 294.
9. Там же, с 325.
10. Страхов Н. Критические статьи. Т.1. с. 281.
11. Страхов Н. Критические статьи. Т. 1. с.286-287.
12. Горький М. Собр. сочинений в 30-ти томах. М., 1952, т. 14, с.39.
13. Переписка А.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, с. 367.
14. Переписка А.Н. Толстого с Н.Н. Страховым, с. 355.
15. Страхов Н. Критические статьи. Т.1, с. 309.
16. Переписка А.Н. с Н.Н. Страховым. с.395.
17. Страхов Н. Критические статьи. Т.1, с. 215-216.
18. Переписка А.Н. Толстого с Н.Н.Страховым. с.374.
19. Переписка А.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. с.444
20. Страхов Н. Н. Критические статьи. Т.1. с. 308.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ Н.Н. СТРАХОВА В ОТЗЫВАХ СОВРЕМЕННИКОВ

В. Н. Фомин, М. В. Фомина

Одной из задач литературоведения и преподавания литературы является анализ облика литературного героя или изучение личности писателя. Интересен он для психологии и для социологии личности. К слову сказать, русская классическая литература питала особое пристрастие к слабо социализованным личностям. Отсюда галерея *лишних образов*, *образ маленького человека* и т.п.

Встречающиеся в литературоведческой и учебной литературе описания зачастую представляют собой произвольную компиляцию *внешних* (соматических, физиологических) и *внутренних* (психологических, социологических) характеристик персонажа. В многих случаях такая бессистемная характеристика проистекает из-за отсутствия сколь-нибудь последовательной методологии подоб-